

Девственница
ДЛЯ МОНСТРА

АМАЛИЯ ЧЕЙЗ

Амалия Чейз

Девственница для монстра

«Амалия Чейз»

2020

Чейз А.

Девственница для монстра / А. Чейз — «Амалия Чейз», 2020

Я думала, я отправилась в отпуск своей мечты, но я попала в жуткий ад. Меня похитили и сделали из меня рабыню, продав на аукционе как какую-то вещь хладнокровному миллиардеру с извращенной фантазией. Теперь я – любимая игрушка монстра. И у меня есть два выхода: умереть в пучине порока и греха или растопить лед в бездушном сердце монстра, чтобы обрести свободу. В книге используется нецензурная брань.

© Чейз А., 2020

© Амалия Чейз, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Амалия Чейз

Девственница для монстра

Глава 1

Анна

– Ленка! Ты только посмотри! Какая красотища! – я не могу сдерживать эмоций, верещу как резаная, почти голос срываю.

– Боже! Мы прилетели за границу! Мы в Турции. В центре Анталии!

– О да, детка? Что, готова отрываться? – Ленка задорно хихикает, толкая меня бедром.

– А то! Ну, и куда мы сейчас двинем? – я горю как факел, нетерпение рвёт моё тело на части.

– На шоппинг, конечно! – хохочет моя лучшая подруга, которая потирает ручки в предвкушении грандиозных планов.

– Айда! Лови такси! – я одобряю её затею, ничуть не сомневаясь.

Сбежав по ступенькам отеля, мы подбегаем к дороге. Лёгким взмахом руки я останавливаю проезжающую мимо жёлтую машину с чёрными шашечками. Открываю дверь, здороваюсь с водителем и сажусь внутрь на заднее сиденье такси вместе с Ленкой. Машина трогается с места.

– Камеру приготовила? – я улыбаюсь Лене до такой степени, что у меня скулы болят.

– Конечно! Давай селфанёмся.

Хихикая, мы обнимаемся, изображая счастливые моськи, и делаем несколько кадров на фоне пышных пальм, которые мелькают на заднем плане.

– Ущипни меня, – прошу я подругу, – мне кажется, будто я сплю. – Ай! Дура ты, я пошутила.

Ленка и правда щипает меня за плечо. Причём, достаточно сильно.

– Две недели свободы! В другом городе, в другой стране, – возбужденно подчёркивает Елена. – Никакого надзора предков. Повседневной рутины и суеты. Даже жрачку можно не готовить и посуду не будем мыть. Боже, я попала в рай!

– Ой, не напоминай. Еле-еле нас с тобой отпустили. Не маленькие ведь уже. Ты работаешь, я работаю. Даже за жильё уже сама плачу.

– М-да, такая же фигня. На то они и родители, чтобы переживать и трястись за каждый шаг. Как родишь, поймёшь. Вечно мне это в лоб толдычат.

Я киваю с умным видом, во всём соглашаюсь с Ленкой.

Мы проводим в дороге около десяти минут. Водитель, типичный темноволосый и темноглазый турок, не спеша ведёт автомобиль, достаточно часто поглядывая на нас в зеркало заднего вида. Наверно, он и слова не понимает из нашего разговора. Да, ведь мы общаемся на русском. Мы две туристки, приехавшие из глубинки России, чтобы узнать, что такое настоящая жизнь.

Таксист негромко включает радио, в салоне становится веселей. Он даже подпевает на куплетах неизвестной мне турецкой песни и подмигивает нам, а я смущаюсь. Ох нет, не нравится мне этот тип. Слишком стар. И уж слишком у него глаза чёрные, прожигающие. Да и своей грубоватой внешностью он вызывает у меня отвращение.

Мы с Ленкой возбуждено шушукаемся друг с другом, буквально взрываясь от эмоций, рассматривая из окна такси невероятные виды и строим грандиозные планы на эти две недели кайфа. Я долго откладывала средства на поездку. Подрабатывала репетитором английского

языка три года. Недосыпала. Недоедала иногда. И вот, моя мечта сбылась. Как и Ленка. Мы с ней студентки. Учимся вместе на инязе, на последнем курсе. Чтобы попрактиковаться, улучшив свои знания в профессии, решили отправиться в заветное путешествие.

Мы хохочем, наслаждаясь каждой прожитой секундой отдыха, и даже не замечаем, как машина резко сворачивает в переулок. Всё происходит слишком быстро. Я даже закричать не успеваю. Двери такси с обеих сторон распахиваются и нас вытягивают на улицу.

Я успеваю запоминать лишь то, как отчаянно отбивается моя подруга. Её силой держит здоровенный амбал нерусской внешности, прижимая Лену спиной к полному животу, и душит. – М-мамочки! М-ма-ма! Помоги...

Она быстро теряет сознание. И я тоже. Когда и ей, и мне грубо затыкают рот тряпками с едким химическим запахом.

Жизнь словно обрывается. Вот так вот резко и непредсказуемо. А я будто падаю в темноту. Не представляя, какие ужасы ждут нас дальше.

* * *

Пробуждение выдалось тяжёлым и болезненным. Не только для шокированного сознания, но и для каждой клетки измотанного тела. Я пытаюсь распахнуть глаза. Ресницы тяжёлые, как гири. Я медленно моргаю, по ощущениям, будто плаваю где-то в открытом космосе. Горло моментально сдавливает ужасная тошнота. Я напрягаю голову, пытаюсь вспомнить, что со мной происходит.

Где я? Почему меня тошнит и хочется рыдать от ужаса?

Спустя несколько секунд память полностью восстанавливается.

Нет. Mamochka! Нет.

Меня что... Похитили? Нас с Леной! Посреди белого дня. Какие-то рослые бородатые амбалы вытащили нас из такси и усыпили.

Господи. Помоги. Я сплю. Я просто сплю, чёрт возьми! И мне кошмар жуткий снится.

«Просто кошмар... Просто игра воображения», – отчаянно приговариваю я себе самой, надеясь на лучшее, но умом всё же прекрасно осознаю, что я нахожусь в самой, что ни на есть реальности.

Я несколько раз хорошенько моргаю и вижу прямо по курсу яркую лампу, которая на длинном проводе раскачивается под высоким потолком. Я понимаю, что я нахожусь в достаточно тёмном и прохладном помещении. Судя по всему, без окон. Наверно, в подвале. Я приказываю себе выключить панику, собраться с силами и придумать план. Я должна запомнить каждую деталь помещения, прислушаться к звукам. Возможно, эти простые действия смогут мне помочь.

Внезапно, я вижу перед собой объемную тень. Точнее, фигуру. Прищурившись, я узнаю в этой фигуре коротко стриженного седого мужчину в белой маске. Я судорожно втягиваю ноздрями затхлый воздух, с запахом плесени, и понимаю, что я лежу на какой-то кушетке, застеленной красной простыней. Мои руки прикованы наручниками к металлической спинке кровати, а ноги согнуты в коленях и широко разведены в стороны. В таком положении их удерживает тот самый незнакомый тип в маске.

Нет! Ох, нет!

Он трогает меня там. Тщательно ощупывает промежность холодными пальцами, которые, по ощущениям, кажется, обтягивает плотный латекс перчаток.

Урод. Лапает мои складки. Надавливает на лоно, хорошенько его ощупывая, будто оценивает качество товара, который собирается выставить на продажу. Я лежу в полном ступоре. Не могу даже и на миллиметр сдвинуться с места. Будто намертво пригвоздило к койке. Тем

более, закричать не могу. Возможно, так проявляется последствие наркоза. Или же, я впала в глубокий шок.

– Девственница.

Хрипло шипит седоволосый мудака на английском, энергичней нажимая на складочки. Истерический вопль почти разрывает моё горло, когда я ощущаю, как его палец толкается в тесную мякоть плевры.

– Б-больно, – вяло хриплю я, без капли сил, пытаюсь дёрнуться, но не могу. Тело будто набили соломой. Я чувствую себя соломенной куклой. И эта недееспособность убивает.

– Слишком маленькая и узкая дырка!

– Ну ни хуя себе! Вот так удача, – рядом слышится ещё один мужской голос. С лёгким акцентом. – Прекрасно! Она станет изюминкой аукциона! Надо сообщить Батуру, чтобы он отправил всем нашим уважаемым клиентам брошюры с лотами. Её нужно красиво сфотографировать. Цветочек. Лакомый кусочек пирога. Эта русская красotka принесёт нам кучу бабла! – радуется бездушный ублюдок, аж захлёбывается в слюнях.

Громоздкая тень возвышается надо мной, как радиационная туча. Теперь я вижу лицо второго незнакомца. Он немолодой, щетинистый. С мелкими крысиными глазками и сальными редкими волосами, цвета золы. Скривившись в ехидной ухмылке, мерзавец жадно меня рассматривает. Грубые пальцы похитителя резко впиваются в мои щёки. Меня теребят за кожу щёк, как какую-то вещь неодушевленную, нахваливая за отменные внешние данные.

Я пытаюсь дёрнуться, сопротивляться, но у меня ничего не выходит. Я вижу плохо, размыто. Один ублюдок в маске ковыряется пальцами в моей промежности, второй треплет за лицо, а у меня по щекам слезы хлещут от осознания того, что я на полном серьёзе попала в самую настоящую беду. И это не шутка.

Как же так вышло? Где Лена? Где мы?

Мужчина заканчивает осмотр. Он отпускает меня и убирает грязные грабли. Второй напарник тоже отходит от койки на шаг назад, но продолжает резать меня жадным и омерзительным взглядом. Нет, он не смотрит, он будто насквозь ножами шманает невинное и беззащитное тело. Собрав все имеющиеся силы, я пробую дёрнуться, вырваться из западни. Мне удаётся лишь согнуть ноги в коленях и притянуть их к груди, скрывая промежность.

Я голая. Абсолютно голая. Уроды не оставили мне и клочка одежды. Тупо приковали наручниками к спинке кровати, теперь вот любят зрелищем, истекая слюнями. Мрази безбожные!

Глава 2

Анна

– Пустите! – еле-еле лепечу языком, но меня вдруг хватают за шею и сильно сдавливают трахею. До синяков, наверно.

Гандон в маске мне что-то рычит, угрожая и запугивая:

– Значит так, сука! Слушай сюда! Ты будешь делать то, что тебе говорят. Поняла?! Или тебе будет очень больно!

Внезапно, я слышу странный щелчок. По коже проносится ледяной озноб из орды мурашек. Второй мужчина щёлкает перед моим лицом серебристым лезвием ножа, скалясь в страшной ухмылке, с зубищами, как у акулы.

– Кишки тебе вырежем, и на шею намотаем, если будешь сопротивляться! Или подружке твоей! Ты же не хочешь, чтобы она пострадала из-за тебя?

– Нет, нет, – машу головой, задыхаясь от адского ужаса и бесконечного потока слёз.

– Хорошо. Хорошая девочка.

Сукин сын гладит меня по щеке острыми ногтями. Меня воротит от его прикосновений и запаха пота. Я почти блюю прямо на тошнотворную физиономию преступника, но усилием воли подавляю в себе нарастающие спазмы рвоты. Наверно, это невероятно сильно разозлит утырка. Тогда он, в порыве ярости, точно поранит меня ножом.

Я поворачиваю голову влево и вижу Лену. Её тоже связали. Она голая, как и я. Но до сих пор лежит без сознания.

Господи, жива хоть?

Сдавленный стон вырывается из моих лёгких с ещё одним потоком горьких слёз, в которых я начинаю тонуть, как в безжалостных волнах цунами.

– Сейчас тебя будут фотографировать. Сделай спокойную мордашку и сопли вытри. Мы отведём тебя к фотографу. Напоминаю, без глупостей! Усекла?

Есть ли у меня выбор?

Нет. Ни единого шанса на чудо. Мне приходится молчать и унижаться перед отвратительными подонками.

– Твоя задача держать рот на замке и во всем подчиняться, – разъясняет мне нелюдь в маске. Кивни, если поняла и обещаешь быть послушной дырочкой.

Киваю, с убийственной болью в сердце.

Похитители освобождают мои руки.

– Поднимайся, шлюха. В темпе, давай!

– Я не ш-шлюха! – рефлекторной взрываюсь от несогласия.

– Ничего-ничего, скоро ей станешь. Дело двух дней, – противный гогот больно врезается в уши.

Я отталкиваюсь онемевшими руками от то, что якобы зовётся постелью, кое-как встаю на ноги. Шатаюсь. Мир немилостиво вертится перед моими глазами. Я бросаю случайный взгляд на левую руку и в ужасе вижу там ранку – маленькую точечку, напоминающую комариный укус.

Твари! Они меня чем-то укололи. Чтобы покладистой была, чтобы не махала руками и ногами, выражая протест.

Громилы подхватывают меня под руки и куда то-ведут, уводя из комнаты. Голую. Босую. С опухшими от слёз глазами.

Мы выходим в тёмный коридор. Двигаемся по нему почти до самого конца. Стены шатаются, а потолок раскачивается как во время землетрясения. Как же мне плохо...

Меня толкают в одну из дверей коридора, самую последнюю, я попадаю в светлую комнату, в которой почти полностью отсутствует мебель. Там меня встречает худощавый мужчина нерусской внешности, который сжимает в руках фотоаппарат.

– Звезду «Playboy» заказывали? – глумится один из мразей, толкая меня в распоряжение фотографа.

– М-м, какая сочная! Отличный экземплярчик подвернулся.

– Это точно.

– Сиськи зачётные, натуральные?

– Да.

– Давно не попадались русские курочки. Свеженькая, молоденькая. А глазища какие, м-м-м! Бездна океана. Сам бы купил, чтоб на члене скакала, но...

– Бабла не хватит, – принижает фотографа один из подельников, пока тот алчно и тщательно сверлит меня похотливым взглядом.

– Она одна?

– Нет, есть ещё и вторая. Но там такое... Не фонтан. Бывалая дырка.

– А эта?

– А эта, блять, целочка.

Фотограф удивлённо присвистывает, придерживая меня за локоть, пока я болтаюсь как тягучая карамель в разные стороны.

– Хороша! – прожигает меня жадным взглядом. Он тоже турок. Только высокий и худой, как дрыщ. С кучерявыми волосами и кривым носом. У него из пасти воняет. Я сейчас точно вырву.

– Хватит надрачивать на неё в мыслях. Эта тёлка – собственность клуба. Давай уже, поторапливайся. Включай свою шарманку и делом займись. Впереди ещё пять лотов. До вечера нужно успеть сделать им годное портфолио, чтобы как следует заработать.

Дрыщ что-то буркает себе под нос. Впиваясь грубой хваткой в мой локоть, он тащит меня к стоящему в конце комнаты кожаному креслу. Ставит возле него как гуттаперчевую марионетку, выбирая интересную позу, и принимается за работу.

Он начинает меня фотографировать и ставит в разные пошлые позы. Ублюдок фотографирует все части моего тела. Особенно грудь, ягодицы и промежность. С разного расстояния, с разных ракурсов. Заставляет сесть на кресло, широко развести ноги. Погладить клитор, развести половые губки пальцами, потереть узкую киску. И, наконец, вставить указательный палец в анальный проход, вместе с тем, изобразить страсть на лице.

Я понимаю его приказы. Я идеально знаю английский. И турецкий тоже. Но вот эмоции получаются отнюдь не натуральные. Я скована и, напугана, как степной заяц. Но похитители не делают мне замечаний. Наверно, так и должно быть. Я должна показать на снимках естественность, даже забитость. Ведь я девственница. Покупатели должны видеть меня именно такой. Робкой, неуверенной, застенчивой.

Дрыщ ставит меня на четвереньках и фотографирует вид сзади.

– Отличная панорама! – гогочет ублюдок.

Это так унижительно! Я почти вою в голос от ненависти и стыда!

Я поворачиваю голову влево и вижу, как те двое мужчин, которые привели меня сюда, приспустили штаны, вытащили члены из трусов и, без угрызения совести, дрочат, глядя на мой позор.

А меня до сих пор всю шатает, как катер в открытом штормовом море. Я плаваю в какой-то странной эйфории, напоминающей сироп. Наверно поэтому во всём угождаю тварям.

Фотограф заканчивает работу. Он приказывает мне сесть на кресло развести широко ноги и трогать свою грудь.

– Мни её! Да! Да, маленькая шлюшка! – кричит этот урод с длинным носом и сальными волосами и тоже снимает штаны, присоединяясь к дрочке.

Я зажимаюсь, но мне тут же дают действенного пинка.

– Делай как говорят, русская сучка! Ласкай себя! И куночку тоже потеряй! Иначе мы втроём вытрахаем всё дерьмо из твоей подружки на твоих глазах! И ты будешь виновата в ее травмах! Как думаешь? Её дырка выдержит три ствола одновременно? Она же не целка, в отличие от тебя! – ржёт врач, задыхаясь от эмоций.

Не врач он. А мой палач.

Я быстро начинаю делать так, как они говорят, хоть по моим щекам хлещут реки слез, а тело не слушается. Одной рукой я ныряю между ног, хватаю себя пальцами за клитор, а второй мну большую и сочную грудь. Натуральную. У меня большой размер. Четвертый. Бог наградил меня этим проклятьем! Наверно поэтому меня и похитили.

У меня сухо в промежности. Мне самой очень противно. Но как бы я не натирала, как бы не старалась разогреть увядшую плоть – так сухой и осталась.

Уроды кончают прямо на пол с хриплыми столами. Меня никто не трогает. Слава богу. Они уводят меня обратно в ту чёртову комнату, без окон, пропахшую сыростью, и швыряют на кровать. Кретин в медицинской маске наклоняется ко мне очень близко, осаждая грозным голосом.

– Сейчас ты будешь спать. А как проснешься, тебя выставят на сцену, на торги.

– Где я? – вымаливаю хоть какой-то ответ с дрожью на губах.

– Ты теперь рабыня. Тебя продают в рабство. Завтра тебя купит твой Хозяин. Возможно, ты отправишься в другую страну, смотря откуда родом будет твой покупатель. Ты будешь его постельной игрушкой и будешь ему служить, – рыгочет сукин сын, сверкая чёрными, как ад, глазами.

– Нет, пожалуйста. Нет! – я начинаю отчаянно биться и умолять о милости грязного ублюдка. – Отпустите меня. Я прошу. Я дам вам всё, что у меня есть! Всё!

– Цыц! Поверь, на торгах за целку дают столько, что ты сама охереешь, если узнаешь. На эти деньги можно купить хоть целый остров. Помни, о чем я тебе говорил! Если не будешь слушаться, тебя посадят на иглу. Или избыют до гематом на жопе. Будет больно! Адски!

Я киваю. У меня нет выбора. От слова совсем. Мне остается лишь молиться. И надеется, что я достанусь хорошему и красивому мужчине.

Врач хватается меня за руку. Вытягивает её вдоль кровати. Бьет пальцами по венам. Я дергаюсь, когда вижу в руке мучителя шприц. Острая игра пронизывает венку на сгибе локтевого сустава, мне становится немного больно. Жидкость из шприца медленно вливается в и без того слабое тело. По ощущениям в меня как будто впрыскивают едкую кислоту.

– Красивая, аппетитная девочка с узенькой куночкой. Нам с тобой охуенно повезло, – шершавые руки ублюдка гладят моё лицо. Скользят ниже, к шее, к груди.

Острая боль пронизывает сосок. Пидар! Он хватается меня за грудь и больно её сдавливает, выкручивая сосок по спирали, а сам ржёт как конченный дегенерат, наслаждаясь чужой болью.

– Перестань, идиот! Не испортить товар! – яро бранится напарник, оттаскивая выродка подальше от кровати.

– Сорри, не удержался.

Грудь пульсирует, но боль постепенно уходит. Веки тяжелеют, а глаза закатываются. Я опускаю ресницы, проваливаясь в бесчувственную темноту. Сейчас мне хочется лишь одного... если не спасения, то быстрой и легкой смерти.

Глава 3

Анна

– Триста тысяч!

– Пятьсот!

– Напоминаю, что лот весьма ценный и редкий! Девчонка девственница! Кто даст больше?

– Девятьсот!

Яркая вспышка бьет в глаза. Я плыву как в тумане, пошатываясь на волнах. Жутко неустойчивые каблучки трут пятки. Голова кружится. В висках давит. Я слышу голоса. Целый ансамбль разных звуков. В помещении холодно и жутко воняет табачным дымом.

Я несколько раз интенсивно моргаю, мои глаза адаптируются к окружающей обстановке. Я не помню, как оказалась на сцене. Только сейчас более-менее хоть что-то начала соображать, после того ублюдского укола.

Я не вижу ничего, кроме ярких прожекторов, которые неприятно режут глаза. Судя по всему, торги уже начались. Точнее, заканчиваются. Я – главный лот зажавшихся ублюдков. За право обладать девственницей разгорается нешуточная война. Ставки летят со всех сторон, как шальные пули. Цена за то, чтобы первым порвать целку, растёт с каждой секундой.

Я опускаю голову ниже, рассматриваю себя. На мне болтается блестящее розовое платье, абсолютно прозрачное, а на ногах сверкают лабутены на высоченном каблучке. Как я ещё стою?

Под платьем ничего нет. Голое, юное тело. Которое очень скоро достанется какому-нибудь омерзительному баблоплюю.

Я кукла. Выставленная на продажу. Игрушка взрослых дядек. Избалованных красивой жизнью мразей-олигархов. Которые прямо сейчас делают бешеные ставки, соревнуюсь, кто круче, у кого больше всего спрятано зелени в казне.

Ужасные. Бесчеловечные люди. Бессердечные нелюди.

– Миллион! – хрипит откуда-то из зала прокуренный голос.

Я почти падаю без задних ног, шокированная ростом ценника, но меня резко хватают за плечи и рывком срывают с меня платье.

Я пытаюсь прикрыть голую грудь руками, но конечности не слушаются. Ряженный мерзавец в белом смокинге, который ведёт торги, мастерски распалия публику, жмет меня за соски, щупает за грудь, демонстрируя всем гостям отменного качества товар.

– Грудь своя! Натуральная! – поворачивает, как какую-то юлу игрушечную, трубя восторженным голосом в микрофон. – А попка? Сочная, пышная. Анус, кстати, тоже девственный и охренеть какой узкий. Кто даст больше миллиона, господи? Честное слово, сегодня, впервые за историю существования клуба, выставлен наиценнейший лот! Русская красotka. Целочка. Будет днями и ночами напролёт согревать вашу постель! Впрочем, спектр применения данного товара достаточно широк.

Ведущий крутит моё вялое тело во все стороны. Наклоняет. Вперёд-назад. Раздвигает ноги, щедро показывая покупателям все мои дырочки. А я ничего не могу сделать. Мышцы не поддаются контролю. Разум дрейфует где-то на просторах тягостной эйфории. Ублюдки накачали меня дурью.

– Полтора! – рьяно звучит из зала.

– Два!

С ума сойти можно. Они что, шутят?

– М-м! А кто даст больше, получит ещё и этот роскошный дизайнерский ошейник для вашей новенькой игрушки в подарок.

Мразина вытягивает руку вперёд – вертит и позвенивает некой вещицей, по форме напоминающей круг, на милость публике.

– Три.

Полный. Трындец.

– Три раз. Три два. Три три! И... продано! За три миллиона! Ну ничего себе! Господа, в нашем клубе новый рекорд!

Бурные овации разрывают зал. Все смеются, аплодируют, веселятся. Все, кроме меня. Ведь с этой самой секунды жизнь для меня навсегда заканчивается. А что ждёт меня дальше? Лишь небесам известно. Выживу я, или нет. Вернусь ли когда-нибудь домой? Или умру без вести от рук какого-нибудь невменяемого садиста.

– Увести, – шипит выскочка-ведущий, отдавая приказ охранникам.

На меня бегло набрасывают платье, берут под руки и тащат в неизвестном направлении. Всё, что я могу – молиться. Ведь я пока ещё не знаю, какому зверю меня бросили на растерзание.

Я не видела покупателя. Но запомнила его голос. Он прозвучал холодно и властно. Мне кажется, что этот голос принадлежит более зрелому мужчине.

Боже, я прошу! Всем сердцем и душой молю тебя... Не отдавай меня на убой старому ублюдку-извращенцу.

Меня ведут по тёмному коридору, после заводят в какую-то комнату, в которой находятся несколько зеркал с яркими лампочками на них, а рядом стоят набитые до отвала одеждой переносные вешалки. Это гримерная. Как в театре. Там меня торопливо приводят в порядок, наряжая в новую одежду – в платье, длиной чуть выше колен. Белого цвета, но более сдержанное по фасону. Почему белое? Наверно потому, что это цвет символизирует невинность.

– П-пожалуйста, смилуйтесь, – губы дрожат. Я понемногу отхожу от «наркоза» и, вцепившись в запястье девушке – стилисту, пытаюсь молить её о помощи. Темноволосая незнакомка с тёмными, как сажа глазами, брезгливо отдёргивает меня от себя. Между нами тотчас же встаёт мускулистая дубина – один из тех перекаченных охранников-мудаков, который первым стащил меня со сцены и запихнул сюда для преобразования.

– Проблемы? – рычит утырок, играя мускулами на здоровенных ручищах.

Я прикусываю язык. До боли, до крови. Девушка быстро испаряется, будто её и не было здесь вообще никогда.

– Что, красопетка, буянишь? – мерзавец устрашающе скалится, впивается шершавой ладонью в мой локоть, дёргает меня на себя, заставляя подняться на ноги, которые трясутся как проклятые.

Я не дышу. Когда вижу, как охранник суёт мне в лицо пятикубовый шприц, до краёв наполненный желтоватой жидкостью.

– Хочешь ещё сладенькое?

– Н-нет, нет, н-нет! Н-не надо. П-пожалуйста, – отчаянно трясую головой в разные стороны, так сильно, что пышные тёмные локоны хлестают меня по лицу, как отрезвительные удары пощёчин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.